

Ты погулять хотел

Эдуард Христофорович действительно не знал что делать. На его жизненном пути было немало сложных препятствий и запутанных развилок, но такой ситуации предвидеть и разрешить он не мог. Он сидел на новой, не очень удобной скамейке, одной из многих, что были поставлены вдоль аллеи Здоровья, и не замечал никого вокруг. В этом месте, недалеко от пешеходного моста, горожане всегда любили гулять, а со временем здесь были проведены работы по облагораживанию территории, установлены уличное освещение, а также спортивные тренажёры. По аллее прогуливались пожилые парочки, молодые мамы с колясками, разный другой народ, не занятый неотложными делами, а на специально выделенной полосе проносились велосипедисты и скейтбордисты. День не был солнечным, но был вполне приятным из череды погодного разнообразия дней начала осени. Сегодня Эдуард Христофорович понял, что дальше жить так нельзя, а как жить по-другому, он не знал. Мужчина долго сидел на скамейке и всё пытался найти в своей памяти тот момент, когда изменились их с женой отношения. А как всё замечательно начиналось. Эдуард Христофорович Знаменский, тогда ещё просто Эдик, после окончания института посвятил свою жизнь науке и на четвертом десятке своей жизни стал известным в научных кругах математиком. Кандидат наук, доцент престижного вуза, старший научный сотрудник ведущей лаборатории прикладной математики, он был не просто подающим большие надежды учёным, но и завидным женихом. Конечно, его друзья и сокурсники к тому времени все обзавелись семьями, но симпатяга и классный парень Эдик, как продолжали называть его друзья и близкие знакомые, совершенно не комплексовал по этому поводу. У него время от времени появлялись девушки, но как-то не задерживались в его жизни, хотя бабником себя он не считал, да и окружение его ни о чём таком двусмысленном за его спиной не шептало. А всё потому, что он был весь на виду: стремительный и одновременно серьёзный, он был слишком откровенным для какой-то двойной жизни. Его ценило начальство, уважали коллеги и любили студенты.

В середине девяностых годов, когда вся страна находилась в состоянии ломки всего старого, Знаменский продолжал жить наукой и преподавал в двух государственных вузах. Ему неоднократно поступали предложения перейти на работу в коммерческие институты, которые с удивительной скоростью появились в их городе, и количество которых продолжало расти. Он прекрасно понимал, что из себя представляют новоиспеченные «социальные университеты» и «технические вузы» и не велся на предложения с заманчивой зарплатой. Его постоянство было вознаграждено: однажды встретил её – свою любовь и судьбу. Точнее, она сама подошла к нему. Ольга Соколова училась на четвёртом курсе экономического

факультета на бухгалтерском отделении и, как староста группы, попросила Эдуарда Христофоровича принять участие в каком-то факультетском мероприятии.

- У нас на курсе сейчас только специальные предметы, да и наши преподаватели уже примелькались. А у Вас широкий прикладной спектр. В общем, мероприятие посвящено нашей будущей специальности, Вы разбавите своим выступлением привычные речи других преподавателей.

Знаменский согласился только потому, что ему очень понравилась эта девушка. Он, выражаясь языком студентов, «запал» на неё сразу, как только она заговорила с ним.

- Да, если Вы будете меня сопровождать и курировать в этом не очень понятном для меня формате общения со студентами.

С этого дня они стали встречаться. Эдуард Христофорович был современным мужчиной, но ухаживал за своей девушкой с атрибутами романтики, которые нравились не только Ольге, но и ему самому. Сначала мужчина переживал, что он намного старше девушки, и она после эйфории первых встреч не решится на серьёзные отношения, но Ольга вела себя с ним настолько свободно и раскрепощённо, словно они были ровесниками, и Эдуард Христофорович с головой окунулся в ауру взаимного притяжения. Вскоре Ольга переехала в двухкомнатную квартиру Эдуарда Христофоровича.

Ей завидовали все подруги и однокурсницы. Обеспеченный, интеллигентный красавец-преподаватель и молодая, активная, яркая студентка были такой красивой парой, что даже злые языки, которые всегда появляются в таких случаях, сплетничали и злобствовали в умеренном режиме.

Ему тогда было под сорок, ей – 21 год. Казалось, идеальная пара. В то время, в силу инерции, которая ещё оставалась в обществе от семидесятых и восьмидесятых годов, люди ходили друг к другу в гости и молодую пару приглашали на все семейные торжества, посиделки и просто так, как приятных интеллигентных людей и милых собеседников.

Через год Ольга окончила институт и устроилась на работу в солидную фирму новой формации. Компания производила металлические двери, а в наступившие беспокойные времена эта продукция стала пользоваться повышенным спросом. Сначала она работала простым бухгалтером, затем заместителем главного бухгалтера, а через несколько лет возглавила бухгалтерскую службу организации. У них родилась дочка, которую назвали Таней, и которая росла милым, очаровательным ребёнком.

Ольга каким-то органичным, естественным способом, чувствовала векторность движения общества, улавливала его запросы и это позволяло ей сначала робко, а затем уже как само собой разумеющееся, давать советы руководству фирмы на предмет ассортимента продукции и рынка потребления, и со временем она вошла в руководящий состав предприятия и была избрана в Совет директоров. Она родилась в своё время, легко адаптировалась к различным изменениям в стране и фирме и в отличие от

большинства людей, всегда знала, что нужно делать даже при совсем неблагоприятных обстоятельствах. Ольгу коллеги теперь называли не иначе, как Ольга Сергеевна.

Эдуард Христофорович подшучивал над ней, что она характерный пример эпохи начинающегося капитализма в России и хорошо, что она работает всего лишь главным бухгалтером, а не возглавляет какую-либо корпорацию, иначе непременно была бы уже признанным олигархом, и о ней писала бы разные небылицы жёлтая пресса.

Однако получилось так, что Ольга изменила не только его личную жизнь, но и научную тоже. Однажды она кратко и чётко объяснила мужу, что учёный мир живёт теперь по другим канонам. Все учатся или уже научились зарабатывать деньги, с которыми можно жить более чем хорошо.

- Директора крупных фирм, чиновники уровня руководителей департаментов и успешные бизнесмены хотят получить научные степени. Кандидатские диссертации писать им совершенно некогда, да и большинство из них не одолеют такой работы самостоятельно. Но они готовы заплатить большие деньги тому, кто напишет за них научные труды. Я познакомлю тебя с профессорами и доцентами, которые этим занимаются. Точнее ты знаком с ними и они готовы сотрудничать с тобой в этом направлении.

- О чем ты говоришь? Это невозможно. Я работаю над докторской диссертацией. Ты же знаешь, как долго я готовил материал для неё. Уже есть наработки в прикладных сферах. И потом – у меня высокая загруженность в университете.

- Диссертация твоя никуда не денется. Успеешь. Когда деньги большие будут, и диссертацию легче получить.

- Я ничего не собираюсь «получать» за счёт связей и денег. У меня есть идеи для фундаментальной математики, и они применимы в прикладных направлениях. Я – учёный, а не торговец учёными степенями.

- Не горячись, милый. Ты всего лишь будешь обосновывать научную часть кандидатских диссертаций уважаемых людей. Они хорошо заплатят. Организаторские и финансовые вопросы тебя не коснутся. Считай – это обычная работа, только высокооплачиваемая. Ведь нам нужен большой загородный дом. Мы мечтали совершить путешествие морским круизом. Заработаем – и ты вернёшься к своей докторской.

Эдуард Христофорович уступил жене, хотя и понимал, что занимаясь работой над чужими диссертациями подобного рода, он теряет часть своей искренней и бескомпромиссной натуры.

Да и какая тут «бескомпромиссность»? Нет её более. Он стал хорошо оплачиваемым работником, отлаженного теневого конвейера по производству научных степеней.

В течение нескольких лет Знаменский занимался чужими диссертациями и знал, что их получают люди, совершенно не имеющие отношения к научным разработкам. Конечно, эти труды назвать «научными» можно было назвать с большой натяжкой. Там было много плагиата, общих пояснений и не корректных обоснований, но высокие комиссии на защите

этих «научных» трудов, словно не замечали подобных нестыковок. Эдуард Христофорович догадывался, что комиссии, видимо, тоже проплачены. От всего этого у него как-то пропало желание заниматься докторской диссертацией.

- Это теперь никому не нужно, - сделал он вывод.

Прошло несколько лет. Внешне в семье Знаменских всё было замечательно. Хорошая квартира, загородный дом, дочка – веселая и умная школьница. Только понимал Эдуард Христофорович, что он уже другой. В нём не было прежней открытости и лёгкости, конечно, это можно объяснить возрастом, только сам он понимал, что возраст здесь не причём. Внутренне он не мог смириться, что занимается, мягко говоря, не благовидным делом и к тому же принёс в жертву свой умственный потенциал учёного. Два эпизода случившиеся вскоре с ним дали возможность поверить, что всё можно изменить.

Однажды он встретил своего давнего приятеля и коллегу – Геннадия Максимовича, фамилия которого была, как и девичья фамилия его жены – Соколов. Они даже прежде как-то шутили по этому поводу: «Может мы родственники?». Доктор наук Соколов много лет преподавал в Технологическом университете, а ещё раньше после окончания Высшего Баумановского училища в Москве работал в секретном Центре ядерной физики. Геннадий Максимович был видным учёным, хоть и не вписался в бурные потоки новой эпохи, жил с семьёй на зарплату университетского профессора, оставаясь приверженцем классических подходов к науке и образованию. За строптивость и несговорчивость его старались не включать в дипломные, конкурсные, аттестационные и другие комиссии, которые определяют статус студентов и аспирантов, а он продолжал заниматься научной деятельностью, как он выражался: «Для будущего страны».

Оба, Знаменский и Соколов, обрадовались встрече, и, усевшись на лавочку в университетском сквере, разговаривали. Говорил в основном Геннадий Максимович:

- Уровень падения вниз в научной среде опустился до предела. Дальше – некуда. Я послал в Академию наук описание доказательства одной известной теоремы, не всю суть изложил, а для страховки, только алгоритмы подхода. Ты, знаешь, я давно работал над этим. Десятки лет математики не могли найти доказательство, а я сделал это. Думал, в академии заинтересуются, запросят дополнительные материалы или пригласят на симпозиум по этой теме, но нет. Прислали письмо - отписку, на двух страницах текста которого, я обнаружил почти два десятка орфографических ошибок. Что от них ждать?

- В Европейский математический центр обратись. Там оценят.

- Всё это так. Но, что с российской фундаментальной наукой? Мы все позиции сдали? Ладно, ты сам как? Слышал, что упакован прилично. Докторской занимаешься? Я бы счёл за честь рецензию к ней написать.

Знаменский не хотел врать и ответил, что пока взял тайм-аут. Ему было стыдно перед Соколовым. Тот не изменил сам себе. Остался с наукой несмотря не на что. А где он?

Несколько дней он пытался разобраться в себе и предпринять, что-то такое, что избавило бы его от чувства неудовлетворённости и внутренней зажатости.

А вскоре его пригласил к себе в кабинет заведующий кафедрой Антон Антонович. Смысл разговора свёлся к тому, что одному студенту нужно поставить положительную оценку за экзамен по матанализу, и завкафедрой назвал фамилию студента.

- Да он вообще ничего не знает. Как он попал на наш факультет? Его отчислять надо.

- Не горячитесь, Эдуард Христофорович, знаю, что студент не тянет. Только не отчислять, а переводить на другой факультет будем. Совсем другого профиля, допустим на факультет психологии. У него долгов не будет и мы его - на второй курс зачислим.

- Он лекции практически не посещал, знаний – ноль. Я не могу.

- Сможешь, его мама – одна из наших «клиентов», в областной администрации занимает важный пост. Её диссертация на выходе. Ты всех нас подставить хочешь? Я уже аванс от неё получил.

- Нет! Делайте, что хотите, я не приму у него экзамен. Меня студенты презирать будут. Они знают, как я строг на экзаменах по основополагающим предметам.

Эдуард Христофорович вышел из кабинета не подавленный и зажатый, а поражённый и окрылённый своей смелостью, он в эти минуты осознал, что снова становится самим собой.

- Надо выходить из этой «компашки» для «клиентов» по производству диссертаций.

Придя домой, Знаменский объявил об этом своей жене довольно спокойно. Он принял решение и не отступит от него.

- Тебе в университете сразу убавят часы работы, и что ты на выходе будешь получать? Ты уже в системе и из неё так просто не выйти, - пыталась убедить его жена.

Но Знаменский так твердо сказал – «Нет», что Ольга после нескольких попыток переубедить мужа, сумела чуть позже договориться с нужными людьми о том, чтобы Эдуард Христофорович без особых последствий «вышел из игры».

А ещё через пару лет, уже в начале десятых годов нового века, Ольга сама признала, что муж поступил правильно и вовремя. В Москве поменялось руководство Академии наук, затем состав высшей аттестационной комиссии, а вслед за этим и в регионах прекратилась вакханалия по присвоению научных степеней. В центральной и региональной прессе появилась целая серия статей о неблагоприятном занятии учёных мужей, были озвучены имена, которые замарали себя, но Знаменского среди них не было. На ректора университета, где работал Эдуард Христофорович, завели уголовное дело, ему пришлось оставить свой пост. Антона Антоновича с шумом отстранили от заведования кафедры, правда, на работе, в качестве преподавателя, оставили.

Знаменский вернулся в настоящую науку и к работе над докторской диссертацией, руководителем которой стал профессор Соколов. Тот в разговоре с Эдуардом Христофоровичем говорил:

- Я ведь думал, не доживу до этих дней. Всё становится на свои места. А почему? Была проявлена политическая воля президента страны. Этого оказалось достаточно.

Через два года Знаменский защитил докторскую диссертацию. После защиты диссертации и присвоения Эдуарду Христофоровичу степени доктора наук, на банкете, который организовала Ольга Сергеевна, старый профессор Соколов даже прослезился, когда говорил тост за нового доктора наук и изменения в научной среде:

- Я прожил долгую жизнь. Вся она была отдана науке. И я рад, что после меня есть кому передать эстафету. Математика – она безгранична, как вселенная. Дерзайте и не предавайте её.

Прошло еще несколько лет. Казалось, в жизни Эдуарда Христофоровича всё наладилось: на работе его ценят, в семье – достаток, дочка выросла и жила в Москве. Только стал он замечать, что жена его всё меньше проводит с ним свободное время. У неё в выходные то шейпинг, то шопинг, то массажный кабинет или салон красоты. Теперь ей было едва за сорок, и выглядела она великолепно. У неё были подруги, с которыми она не только засиживалась в кафе и с которыми вечерами болтала по телефону, но и в отпуск на море или за границу она стала ездить с ними.

- Дорогой, ты найдёшь чем заняться в отпуске. Вместе ехать мы не можем. Понимаешь, мы уезжаем чисто девчачьим кругом и мужчина, даже если он мой муж, туда не вписывается.

- А где мужья твоих подруг?

- Так получилось, что мои подруги не замужем. Конечно, они были в браке, но теперь в разводе. Когда они снова выйдут замуж, мы обязательно будем дружить семьями.

Эдуард Христофорович и Ольга Сергеевна почти перестали вместе бывать в театре, ходить в гости. Дома вечерами смотрели телевизор в разных комнатах. У них были разные предпочтения в телевизионных программах. Даже по аллее Здоровья, по которой раньше они гуляли всегда вместе, он прогуливался в одиночестве. А теперь вот сидит с грустными мыслями на одной из скамеечек этого любимого для горожан места.

Совсем недавно он пару раз слышал, как его жена говорила кому-то по телефону:

- Он дома. Я тебе перезвоню.

Эдуард Христофорович даже перестал приглашать жену на прогулки в выходные дни, поскольку она всегда находила отговорки.

А сегодня - воскресенье и видя, что муж никуда не собирается, Ольга, как бы шутя, проговорила:

- Ты погулять хотел? Иди, развейся, я не могу тебе составить компанию.

Сидя на скамейке, профессор Знаменский своё одиночество чувствовал изнутри. Он осязал его не просто душевно, но и через мысленные алгоритмы

модели их взаимоотношений с женой. Ещё в школе он обнаружил способность видеть трёхмерные геометрические фигуры не только как все – извне. Но силой своего мозга он проникал внутрь этих фигур и мог видеть их изнутри. Впоследствии, он так же легко производил расчёты с формулами, не просто используя их как инструменты для решения математических задач, а мысленно соединяясь с ними, он проникал в формулы как бы изнутри, чувствуя их гармоничность и возможности для использования.

Впрочем, в данном случае эта способность не особо была нужна. Всё было настолько очевидно, что даже классический вопрос:

- У неё есть другой мужчина? – был как бы вторичным, вытекающим из основного постулата:

- Слишком велика разница в возрасте. Но разве ты, как математик, не мог просчитать развитие их отношений много лет назад? Только математика здесь не причём. Это чисто человеческие факторы.

Знаменскому даже поговорить на столь щепетильную и деликатную тему было не с кем. Его друг, профессор Соколов Геннадий Максимович, скончался несколько лет назад.

- Но у него жена была тоже на пару десятков лет моложе его. И он был счастлив в браке даже в преклонном возрасте. Значит, в отношениях двоих действуют другие, не знакомые ему аспекты. Но какие?

Знаменский знал, что сам на развод подавать не будет. Он любил жену, несмотря на все её привычки и причуды. Но не факт, что она не разведётся с ним сама.

Так до вечера мужчина просидел на скамейке, не найдя ответа на мучавшие его вопросы.

Прошло несколько недель. Однажды вечером, Ольга сказала мужу:

- Нам надо поговорить. Это серьёзно.

Эдуард Христофорович, сидя в кресле, посмотрел на жену. Внешне она была спокойна.

«Что ж, значит, она приняла решение о разводе. Мне нужно принять это достойно», - подумал Знаменский и сказал:

- Я тебя слушаю, Оля. Только ничего не комментируй. Просто скажи.

- Что здесь комментировать? Я больна. Это очень серьёзно. Онкология. Мне придётся лечиться в клинику и возможно надолго. Доктора ничего не гарантируют.

Несколько секунд мужчина сидел не шевелясь. Он был готов услышать решение жены о разводе, но прозвучавшие слова были столь неожиданны, что он не сразу понял их смысл.

Эдуард Христофорович поднялся с кресла, подошёл к жене, обнял её и проговорил:

- Мы будем бороться. Не бойся. Я с тобой.

Ольга плакала и тихо говорила:

- Это наказание мне, что я не ценила то, что имею. Прости меня.

С этого вечера у профессора Знаменского началась другая жизнь. Жизнь, полностью посвящённая его жене. Сначала он убедил Ольгу, что любую болезнь можно победить, если уж не совсем запущенный случай. Сам встречался с докторами, ездил с ней на консультации, а когда Ольгу положили в клинику, ежедневно навещал её. Результаты биопсии подтвердили худшие опасения специалистов. Но шанс оставался, и он снова убеждал Ольгу настроиться на борьбу и не сдаваться. Через несколько месяцев, после очередного курса химиотерапии, заведующий отделением признался Эдуарду Христофоровичу:

- Мы исчерпали свои возможности. Нужна операция. Мы такие операции делаем, но послеоперационный период ей лучше провести в специализированной клинике в Германии. Там лучшие, новейшие методики, препараты и лекарства. Я даже смогу посодействовать, что бы Ольгу Сергеевну включили в график западноевропейской клиники. Находиться там надо не менее двух месяцев. Но предупреждаю – лечение очень дорогое.

- Какая нужна сумма, примерно?

- Если пересчитать с евро в рубли, то миллионов шесть - семь.

- Доктор, я найду деньги.

В их семье были небольшие накопления, но это была совсем другая сумма.

- Надо продать загородный дом. Но быстро это не сделать. Возьму кредит, а когда продадим дом, большую часть кредита погасим.

Но быстро с кредитом вопрос не решился, даже под залог дома и автомашины всю необходимую сумму, банк не оформлял. Пришлось обращаться в разные банки и оформлять несколько кредитов. Но, в конце концов, он собрал нужную сумму.

Операция прошла успешно, а через неделю они с Ольгой улетели в Берлин. Когда жену разместили в специализированном реабилитационном центре, Эдуард Христофорович вернулся домой. Оставалось только ждать и молиться. Верить, молиться и ждать. Теперь он, математик, доктор наук, ходил регулярно в церковь, причём не просто заходил, чтобы поставить свечки перед святыми образами, а находился в храме всё время, пока шла служба. У него было своё объяснение веры в бога:

- Бог существует не как объект, а как энергия. Она постоянно пополняется. Умирая, душа человека, а это определённое количество энергии, сохраняющее в себе индивидуальный код человека, его знания и потенциал, соединяется во вселенной с огромным количеством таких кодовых носителей, образуя всемогущественную энергетическую субстанцию, которая может не просто оказывать влияние на объекты Вселенной, но и вносить свои коррективы на естественный ход создания и развития Земли, общества и отдельных людей. А потому, вполне возможно, молитвы верующих эта субстанция, которую человечество назвало Богом, слышит, и может на них реагировать.

Когда Ольга вернулась из Германии, то ещё год находилась под наблюдением местных докторов, а потом заведующий клиники сказал:

- Можете возвращаться к обычной жизни. У вас хорошие анализы.

Он проговорил это просто и обыденно. Но для Ольги и её мужа эти фразы были самыми важными. Слова доктора были ими выстраданы физическими болями и душевными переживаниями. Испытание, которое они перенесли, соединило их снова, научив ценить не только жизнь, но в большей степени друг друга.

Спустя несколько дней Знаменские сидели на лавочке аллеи Здоровья. Он держал её за руку, и рассказывал, что все процессы природы и человека можно объяснить и описать посредством математических уравнений и формул, кроме любви.

Ольга, улыбнувшись, обратилась к мужу:

- Не знаю, как с точки зрения математики, но судьба знала, что делала, когда познакомила нас. Ты у меня - самый лучший. Я тебя очень люблю.

Вечером раздался звонок её сотового телефона. Ольга выслушала, что ей говорила звонившая подруга, а потом сказала:

- Спасибо, конечно. Только я без мужа – никуда. Давай, выходи замуж – будем дружить семьями.